

УДК 821.161.2

М.В. ТОПЧИЕВА

(topchieva_nn@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ РЕБЕНКА И ТЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЕ*

Исследуется образ ребенка в современной женской литературе. На примере рассказов «Агата возвращается домой» Л. Горалик, «На золотом крыльце сидели» Т. Толстой и рассказов из сборника Л. Улицкой «Детство 45–53» рассматривается художественная семантика образа ребенка и топоса детства в современном рассказе, выявляются жанрово-тематические признаки классической традиции «детской» темы и их модификации в «женской» прозе.

Ключевые слова: образ ребенка, топос детства, психологизм, автор и герой; хронотоп.

Одна из актуальных тем современной «женской» прозы связана с попыткой глубинно и всесторонне осмыслить движение души маленькой личности, становление самосознания ребенка в пограничной ситуации изломанного бытия. Художественная рецепция образа ребенка и темы детства генетически связана с литературной традицией, актуализирующей в читательской памяти устойчивую модель идиллического хронотопа как топоса детства. В контексте этой классической традиции прочитывается литературный миф об утраченном рае, маркирующий тему детства как идеального прошлого и тему внутренней памяти, противостоящей неумолимому «бегу» времени. Сквозным лейтмотивом произведений о детстве, особым образом, организующим пространственно-временной континуум данных текстов, можно считать образ времени/смерти: мир детства – замкнутый, светлый и гармоничный, рушится в тот момент, когда к взрослеющему ребенку приходит осознание времени, его неумолимого течения – как универсального закона жизни.

Литературная традиция детской темы заметно модифицируется в современной женской прозе. Сопоставительный анализ рассказов «Агата возвращается домой» Л. Горалик, «На золотом крыльце сидели...» Т. Толстой и рассказов из сборника Л. Улицкой «Детство 45–53: а завтра будет счастье» позволяет выделить и проанализировать значимые аспекты развития темы детства, характерные для данного направления литературы на современном этапе.

Рассказы из сборника Л. Улицкой основаны на реальных событиях, что позволяет говорить о причастности литературного текста как к жанру nonfiction, так и к жанру семейной хроники, весьма актуальному для художественного мира писательницы. Основу сквозного сюжета сборника составляют многочисленные истории семей, представленные на фоне истории страны. Концептуальный смысл обретают в связи с этим понятия рода, семьи, родовой памяти, детей и родителей, отечества, родины. Ребенок у Улицкой включен в пространство исторической и родовой памяти, которая и позволяет ему преодолеть гнет государственной системы, исторические сломы эпохи. Потенциальные возможности жанра, синтезирующего в себя вымысел и документальность, художественное обобщение, условность и фактографическую точность, – позволяют Улицкой сузить границы авторского Я, свести до минимума монополию авторского присутствия и участия. Тревожные воспоминания о военном и послевоенном времени пропущены сквозь призму детского сознания, не замутненного идеологическими догмами.

Т. Толстая в своем рассказе «На золотом крыльце сидели...» так же обращается к проблеме времени, однако речь в тексте идет не столько об историческом времени, сколько о личностном – субъективном восприятии Времени, о глубинных механизмах памяти человека. Рассказ построен на беспрепятственном чередовании впечатлений и переживаний, происходящих в сознании ребенка. Пространство

* Работа выполнена под руководством Рябцевой Н.Е., кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

памяти у Толстой способно преодолевать жесткие границы времени, переносить героя в прошлое – в блаженный мир светлого детства, локализованный в топосе отчего дома и сада. Вполне очевидны в связи с этим аллюзии на библейскую семантику: топосы Дома и Сада напоминают о библейском символе Райского Сада, Эдема. Библейские образы-символы композиционно обрамляют текст, становятся егосемантическими скрепами: смерть дяди Паши в финале рассказа обращает читателя к началу текста – к образу детского рая, Эдема. *Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени...* [4, с.31]. Цикличность композиции реализует идею «вечного возвращения», целостности и завершенности бытия. Субъектное поле рассказа вмещает в себя несколько субъектных позиций: Я ребенка, Я взрослого, вспоминающего о своем детстве («взрослый-ребенок»), авторское Я, реализующее, согласно М.М. Бахтину, «отношение напряженной вневременности» [1, с.41]. Наложение и взаимодействие нескольких субъектов сознания и речи рождает в тексте Т. Толстой сложное и динамичное пространство Жизни и Смерти, Памяти и Забвения, Реальности и Иллюзии. Образ «золотых часов», которые «дрожащими руками» заводит дядя Паша, обретают амбивалентный смысл. С одной стороны, это символ бренности человека и всего живого на земле («пыль, прах, тлен»). Но вместе с тем это образ, реализующий идею вечности, полноты и целостности бытия, на что указывает эпитет «золотой», семантически сближающий образ с топосом Сада, Рая. В этом нелинейном пространстве осуществляется целостное познание себя (взрослого) и Другого (ребенка в себе), рождается сложный диалог-самопознание.

В рассказе Л. Горалик «Агата возвращается домой» образ ребенка и тема детства исследуется в ином ракурсе. Тема детства абстрагирована как от исторического пространства, так и от пространства памяти. Автор ставит перед собой иные художественные задачи. Наблюдается полная свобода фантазии писателя, который не претендует на правдоподобность представленной ситуации в глазах читателя. Конкретно-исторические признаки времени весьма размыты и обобщены, что объясняется стремлением автора акцентировать повторяемость, универсальность истории. Девочка Агата лишена психологических атрибутов детскости, наблюдаемых у героев Л. Улицкой и Т. Толстой. Возраст героини – лишь жанровая условность святочного рассказа.

Во всех рассматриваемых нами рассказах внутренних, духовный мир ребенка раскрывается в экзистенциальной ситуации, однако внутренние механизмы этой сюжетной ситуации в текстах трех авторов различны. История, описанная в тексте Горалик, трансформирует жанровую природу святочного рассказа, подвергая деконструкции и пародированию классические признаки жанра. Вместе с тем постмодернистские приемы, реализуемые в тексте, не отменяют, а, скорее, усиливают морализаторский смысл, притчевый подтекст истории. Сюжет построен на пересечении двух планов – псевдореального и фантастического, вследствие чего сама ситуация нравственного выбора, в котором оказывается Агата, обретает вневременной смысл и разворачивается как некая вселенская мистерия.

И Л. Улицкая, и Т. Толстая не выходят за границы реального, однако у Л. Улицкой объективная историческая реальность, даже в самых будничных ее проявлениях, оказывается страшнее, чем мистика, и именно в условиях этой реальности разворачивается борьба Добра со Злом в человеческих душах. Силы Добра и Зла получают историческую маркированность. Образ ребенка и тема детства в рассказах Улицкой показаны в конкретно-бытовом пространстве, в малом пространстве семьи и школы. Автор позволяет нам почувствовать контраст между современным детством и послевоенным. Л. Улицкая показывает скромный быт детей, их довольствование малым, их строгое, почти суровое воспитание. В рассказе Елены Косякиной «Мужская школа» говорится, что истинным богатством советского школьника послевоенных лет считались две тетради в клеточку и косую линейку, ручка, ластик и карандаш [5, с.229]. В «Девочке без карточек» Анны Сальниковой показано, как бедность и голод заставили население бережно относиться к остаткам и крохам. *Недоеденная каша не выбрасывалась в ведро: мама из остатков делала и оладьи, и блинчики...мы довольствовались после школы луковицей с подсолнечным маслом и солью. Ах, как вкусно!* [Там же, с.35]. Автор позволяет нам почувствовать контраст между современным детством и послевоенным. Что касается героини Горалик, Агата – дитя современной

культуры и цивилизации, не обременена бытовыми трудностями: ее существование внешне вполне комфортно. Однако за внешним благополучием современного человека скрывается целый клубок неразрешимых нравственных конфликтов и противоречий, скрытых комплексов.

Татьяна Толстая так же сталкивает свою героиню с первыми страшными приметами взрослой жизни, оказывающими влияние на становление самосознания ребенка. Первый опыт познания жизни – окровавленные руки – зарезали теленка. *Кошмар, ужас, холодный смрад – сарай, сырость, смерть* [4, с. 33]. Вероника Викентьевна, *страшная женщина*, предстает как воплощение Зла, в то время как ее муж, дядя Паша, выступает ее полной противоположностью, будучи человеком робким и скромным. Автор рисует первые наивные представления ребенка о добре и зле, жизни и смерти. *Халиф на час, заколдованный принц, звездный юноша, кто дал тебе эту власть над нами, замороженными, кто подарил тебе эти белые крылья за спиной, кто вознес твою серебряную голову до вечерних небес, увенчал розами, осенил горным светом, овеял лунным ветром?* [Там же, с.38–39]. Загадочный и любимый сестрами *старик* выступает их добрым спутником на протяжении всего детства. Жизнь в мире детства представляется вечным летом. Увядание природы метафорически соотносится с прощанием со светлой и теплой порой детства. Не случайно дядя Паша умирает зимой, в то время, когда природа замирает, останавливается так же, как остановились часы в его доме. *Над циферблатом – стеклянная комнатка, а в ней, за золотым столиком – золотой Кавалер в кафтане, с золотым бутербродом в руке. А рядом золотая Дама с кубком – часы бьют, и она бьет кубком по столику – шесть, семь, восемь* [Там же, с.38]. Как сменяются времена года, стрелки на часах, так зачарованность, сказочность окружающего мира, воплощенного в детских грезах, сменяется жалкими «комодиками», «картинками», «жардиньерками», «стекляшками» – материальными атрибутами взрослой реальности. Вместе с дядей Пашей ушло и детство для героини Т. Толстой: *Как ты глупо шутишь, жизнь!* [Там же, с.40]. Вместе с тем ностальгия о детстве, о сказочной мечте, о мире детства, бережно сохраненном в тайниках памяти, оставляет в душе читателя ощущение светлой печали и радости.

В рассказе Л. Горалик отсутствует типичная для прозы Т. Толстой и Л. Улицкой лирико-философская доминанта. Художественная реальность в тексте Л. Горалик выстроена как театральные декорации, на фоне которых разыгрывается вечная история борьбы добра и зла. Все происходящее с Агатой можно рассматривать как своеобразный нравственный эксперимент над человеком, который по природе своей слаб, имманентно подвержен искушению злом. Добро, соотношенное с топосом чудесного, сказочного – детского, становится узнаваемым жанровым сигналом, еще более усиливая несоответствие между реальностью и сказкой.

У Улицкой и Толстой вера в добро лежит вне сферы чудесного, сказочного. Эта вера поддерживается генетической связью писательниц с классической гуманистической традицией русской литературы с ее «философией надежды» и верой в нравственные силы человека. Примечателен в этом смысле образ Анны Львовны, директора школы из письма Е. Косякиной «Мужская школа», включенном в книгу Л. Улицкой. Автор рассказывает, как, будучи первоклассницей, она подверглась нападению учащихся соседней мужской школы, в результате чего лишилась своей награды за отличное окончание полугодия. Тогда девочка решила вернуться в школу и попросить себе еще один такой же набор, который и был вручен ей директором. И хотя образ Анны Львовны можно соотнести со сказочным, проводя параллели с типом героя – волшебного помощника, но в целостном художественном контексте книги этот образ эксплицирован вне сказочного топоса, порожден самой реальностью и соотношен с ней. *Добрая симпатичная пожилая еврейка* внимательно выслушала историю огорченной первоклассницы. *«Ты молодец, что пришла. У меня случайно есть еще один такой набор. Бери!» – и проводила домой во избежание неприятностей. «Ничего, ничего, не волнуйтесь! Ваша внучка молодец! Отличница! А я просто проводила ее домой. Нам было по пути* [5, с. 230]. Взрослый выступает здесь и в качестве связующего звена между детским и взрослым мирами, он – гарант стабильности и защиты от внешнего зла (недаром Анна Львовна соединяет границы двух топосов – дома и школы).

Таким образом, рассказы Л. Улицкой построены в диалоге с классической традицией, и это выразительно демонстрируют способы художественной рецепции образа ребенка и темы детства. Общий пафос рассказов Л.Улицкой – жизнеутверждающий, гуманистический. В таком же ключе выстроена художественная модель детского мира в рассказе Т. Толстой. Тема детства актуализирует сложный комплекс философских проблем, заставляя задуматься над смыслом человеческого бытия. Хрупкости человеческой жизни, беспомощности человека перед лицом Времени-Смерти и перед гнетом обыденности писательница противопоставляет идею творческого преобразования реальности мечтой, фантазией, творческой игрой – всем тем, что связывает человека с его духовным прообразом – ребенком – и с миром детства. Новый подход к образу ребенка и к теме детства представлен в прозе Л. Горалик, чей творческий метод ориентирован на художественный эксперимент, на деконструкцию традиционных образов и включение их в новое интертекстуальное пространство игры. Таким образом, три художественные стратегии, представленные авторами, демонстрируют разные подходы к теме детства в современном литературном процессе.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г.Бочаров. СПб.: Азбука, 2000. С. 3–226.
2. Горалик Л. «Агата возвращается домой» [Электронный ресурс]. URL : <http://linorgoralik.com/agata.html>.
3. Колядич Т. Своеобразие организации циклов рассказов Л.Улицкой // Литературный процесс в зеркале рубежного сознания. Магнитогорск, 2004.
4. Пруссакова И.Л. Улицкая. Сонечка. СПб.: Нева, 1993. №1.
5. Толстая Т.Н. Ночь: Рассказы. М.: Подкова, 2002.
6. Улицкая Л. «Детство 45-53: а завтра будет счастье» / авт.-сост. Л.Улицкая. М.: АСТ, 2014.
7. Улицкая Л. Плохой читатель // Вопросы литературы. 1996. №1. С. 33–34.
8. Харитоновна Е.В. Феномен детства в прозе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

ТОПЧИЕВА М.В.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IMAGE OF THE CHILD AND CHILDHOOD THEME IN THE MODERN « WOMEN'S » PROSE

In the article the image of a child in the modern women's literature. For example, the story «Agatha Comes Back Home» L.Goralik, «On Golden porch sitting» T. Tolstoy and short stories from the collection L.Ulitskoy «Childhood 45-53» is considered an art semantic image of the child and the topos of childhood in the modern story, identify genre-themed signs of the classical tradition of «child» themes and their modification in «women's» prose.

Key words: *image of a child, topos childhood, psychology, author and protagonis, chronotop.*